

Египетская сила

женская драма

16+

Татьяна Нильсен

Татьяна Нильсен

Египетская сила

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Нильсен Т.

Египетская сила / Т. Нильсен — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-98827-9

Перед русской женщиной стоит непростой выбор - её избранник, египетский мужчина, настаивает, чтобы она сменила веру и приняла Ислам. Сделав первый шаг и ожидая чудесных перемен, женщина неожиданно поняла, что судьба привела к краю пропасти.

ISBN 978-5-532-98827-9

© Нильсен Т., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Нильсен

Египетская сила

Глава 1

Клавдия стояла перед этой разукрашенной канарейкой в позе просительницы, держа в руках заявление на отпуск. Она рассматривала начальницу с немимым интересом. Собственно, мимо неё никто не проходил равнодушно, потому, что столько пестрого, кричащего барахла насобирать на своё большое тело нужно было умудриться. Она напоминала ей толстую, злую мачеху из индийского фильма «Зита и Гита». Эту картину из детства Клавдия видела много раз. Пока родители находились на работе, она собирала всю мелочь в доме, выковыривала из под рваненькой, обтрёпанной подкладки своего маленького гаманка все копеечки, обшаривала карманы отцовских пиджаков и бежала в кинотеатр с подружкой Танькой с соседнего подъезда, которая проделывала то же самое с карманами своего папаши. Они складывали в ладошках общую кучку из мелочи и, если хватало денег, покупали в ближайшей аптеке Гематоген и здоровые таблетки глюкозы в шуршащих, прозрачных фантиках. Возбуждённые от ожидания, садились в прохладе и темноте небольшого кинотеатра, плакали от сострадания, ликовали, когда справедливость торжествовала и поджимали ноги, когда становилось страшно.

И вот эта высокая, с большим бюстом дама, в жёлтом пиджаке, с пластмассовой бижутерией кораллового цвета, с подведёнными, чёрными линиями на веках глаз, монотонно и нравоучительно выговаривала, что отпуск брать сейчас нецелесообразно – работы неуворот. Клавдия без слов смотрела на двигающийся, пунцовый рот с блестящими коронками на зубах и думала, что всё, что её окружало, и эта женщина, увешанная копеечной бижутерией, и то, чем она, Клавдия занималась, походило на картонную коробку из-под обуви, которую она разукрашивала акварельными красками и обклеивала конфетными фантиками. В неё она бережно складывала переливчатые блёстки, яркие лоскутки от дорогих платьев, разноцветный бисер, цветные стёклышки, которые находила в прозрачных лужах после дождя. Всё это напоминало секретки под стёклышками с искрящимися бусинками и золотинками. Тайные местечки она засыпала земелькой, чтобы потом показать своей подружке Таньке. Это была её удивительная сказка, драгоценный, искрящийся мир, который существовал только в её фантазиях. Перед ней не стоял трудный выбор профессии. Ещё подростком решила стать или режиссёром, или артисткой, или певицей. На крайний случай начнёт писать песни, в любом случае углубится в творческую среду и в конце концов в одно утро проснётся знаменитой. После окончания университета Клавдия провела всю свою трудовую деятельность во Дворце культуры заведующей отделом. Только почувствовать себя принцессой никак не удавалось, потому что Дворцом, это медленно осыпающееся здание, назвать можно было с большой натяжкой. Зарплата тоже не особенно грела руки и душу. В бюджетной сфере более низкую зарплату получал только технический персонал. Клавдия и любила и презирала свою работу. Нравилось работать с людьми, придумывать и проводить праздники, когда зал триста человек плакал, смеялся, пел и пускался в пляс вместе с ней. Обожала за минуты восторга, когда чувствовала, что она, как дирижёр может открыть эти разные человеческие души. Клавдия с удовольствием меняла маски и костюмы то Бабы Яги в новогодней сказке, то строгой ведущей в роскошном платье. Она неистово зажигала на дискотеке с подростками и с удовольствием рядилась в русский сарафан на празднике Проводов русской зимы. Ей нравилось вариться в этом котле бесконечной череды ярмарок, балаганов, гуляний. То, что она терпеть не могла, так это рисовать липовые отчёты. Она высасывала из пальца мероприятия, которые никогда не проводила. Приходилось писать невероятные, лживые цифры о количестве посетителей. Клава умилялась, когда сво-

дила данные в годовом отчёте. Они превосходили вообще количество населения, проживающего в этом городе, даже если пересчитать всех хромых, косых, горбатых и детей грудного возраста. И эти цифры увеличивались с каждым годом, несмотря на то, что население города медленно сокращалось, потому что закрывались предприятия, и люди покидали город в поисках работы и лучшей доли. Товарки по её цеху зачастую были женщины одинокие, как и она сама. Ведь не каждый мужик захочет сидеть выходные, праздники и вечера в одиночестве, пока его половинка развлекает людей и сеет культуру в массы. Повезло тем, кто имел мужа состоятельного и терпеливого, который мог обрадовать жену шубкой красивой или встретить супругу поздним вечером на роскошной машине. Иногда Клавдия думала, что лучше наплевать на высшее образование и мыть пол в каком-нибудь банке, получать зарплату в три раза больше и не прыгать на сцене балаганной Петрушкой, развлекая народ. Да и, собственно, весь этот небольшой шахтёрский сибирский город неумолимо разрушался, как будто большие мегаполисы, забрав все силы из его недр, обрекли менее удачливого собрата на вымирание. Жизнь медленно покидала эти улицы и дома, закрывались шахты и заводы, бурьяном зарастали руины некогда огромного, спортивного комплекса. Клавдия завистливо смотрела по телевизору, как в крупных городах открывались новые школы, дома, аквапарки, кинотеатры. Этот праздник сверкал огнями и фейерверками. А в её городе медленно селилось уныние, хоть и глава – известный красnobай, тиран и ворюга ежедневно докладывал по местному телевизионному каналу, который сам же и контролировал, об успехах и процветании. Как мать, она волновалась за будущее своего семилетнего сына Василия. Что она могла дать ему в этом забытом Богом городе? Клавдия видела наркоманов на улице, шприцы на подоконниках в подъезде, с тревогой и укором наблюдала, как молодые матери с колясками, сидя на скамейках в парке, пьют пиво из бутылки и курят сигареты. А однажды, когда она возвращалась поздно вечером домой, здоровый, молодой парень вырвал сумку с последними деньгами. Клава долго плакала от обиды и от того, что надо было как-то жить до следующей зарплаты. Случались минуты, когда она укоряла не понятно кого-то ли родителей, то ли судьбу за то, что угораздило же её родиться в этом городе, в этой стране. Ведь где-то живут люди и чувствуют свою защищённость, свою надобность и не сводят концы с концами, не боятся гулять вечерами по улицам. Уж во всяком случае на свою зарплату могут позволить купить себе пять джинсов, туфли и битком набить холодильник. Не то что она, когда расписывалась в ведомости в день полочки, в уме складывая платежи за коммунальные услуги, расходы на питание и взносы за садик, разочарованно осознавала – новые туфли так и останутся в мечтах. И самое удручающее, что и в следующем месяце будет такая же картина.

Ей стукнуло сорокпять лет. Иногда она с усмешкой рассуждала про себя, что по возрасту могла бы быть бабушкой для своего семилетнего сына. Клава достаточно поздно его родила, не потому что, как многие говорят – рожала для себя, а потому что думала, у неё возникли проблемы со здоровьем – сбой циклов, и, вероятно, какая-то язва в желудке завелась. Она скверно чувствовала себя по утрам, её тошнило, ещё и боли в животе...короче когда нашла окно в своём рабочем графике и обратилась к доктору её парень готов был появиться практически через четыре месяца. Васька рос болезненным парнем – то паховая грыжа, то бесконечные простуды и ангины. Частенько Клавдия сокрушалась – за какой грех Бог наказывает её и маленького сына, наверно за то, что родила без брака. И, в оправдание собственных неудач, упрямо думала, что грех иметь семью с таким человеком, как этот никчёмный мужик, который даже не знает, что имеет сына. Они познакомились на какой-то гулянке у общих приятелей, закружились по пьянке, несколько раз встретились без цветов и романтики, но когда дым рассеялся, она поняла, что это не принц на белом коне и даже не на задрипанных «Жигулях», которого она надеялась встретить. Женщина погоревала недолго от того, что счастья семейного не случилось и прекратила все встречи и звонки. Да, видимо, не особенно она в душу запала, что кавалер и не настаивал на любви до гроба, а со временем вовсе исчез бесследно.

Но кое-что он всё-таки оставил, и как позже выяснилось, это был Василий. Вдвоём, с малышом на руках, сначала на пособия, потом на скудную зарплату, существовать оказалось не просто. Помогали родители, уже пенсионеры, которые жили в небольшом городке, в нескольких часах езды. Больших денег не давали, но всегда везли харчи – картошку с капустой, сало с кровяной колбасой, кур и яйца. На квартиру Клавдия начала откладывать с большим трудом, когда сына ещё не было и в помине. Тогда, несколько лет, она ни света белого не видела, ни отпуска, ни выходных, цеплялась за любую работу. После основной работы мыла пол в своём же Дворце культуры, несколько раз в неделю вела драмкружок в школе через дорогу, а всё лето проводила в лагерях за городом. Зато сейчас они имели двухкомнатную квартиру с хорошим ремонтом – спасибо родители помогли, огромный балкон и всё, что нужно для комфортной жизни: стиральная машина автомат, микроволновка, телевизоры во всех комнатах и даже на кухне, компьютер для неё и лэптоп для подрастающего паренька. Она никогда не сюсюкалась с ним, не зацеловывала попку, когда меняла пелёнки, не делала козу – для этого у него были бабка с дедом. Она воспринимала его, как мужчину в доме, разговаривала и советовалась, когда Васенька ещё не умел ходить. И скандалы по разному поводу, конечно, случались. Клавдия считала, что строгость в воспитании парня необходима – ведь растёт без отца, мечтала увидеть его сильным, добрым и мужественным. Васька частенько получал затрещины если посуду не помыл, не убрал свою комнату или убежал без шапки на весеннюю улицу. Бывало он песочил Клаву, что за интернет забыла заплатить, или вместо обещанной поездки к родителям в посёлок, шла проводить банкет вместо своей подруги Женьки, которая находилась на бровях и не то чтобы говорить, стоять не могла.

В её жизни были мужчины, не много, но достойные – заместитель начальника эксплуатационного отдела из Жилищно-коммунального хозяйства, или главный инженер по быту с местной обувной фабрики, или председатель профкома с дальнего разреза. Все они были людьми не свободными, и в чём состояло их достоинство Клавдия и сама себе ответить не могла. С одним тайком встречалась больше двух лет и всё ждала, когда же он осмелится на развод, пока сама не указала ему на дверь. С другим канителилась в африканских страстях больше года до тех пор пока любовник темпераментный, в пылу ревности, не поставил ей красивый, лиловый бланш под глаз. А про третьего скупердяя, даже и вспоминать не хотела. Клавдия не считала себя глянцевою красавицей, но, как говорят сейчас, имела харизму, то есть перчинку. Рост выше среднего, в школе, даже играла в баскетбольной команде, тело стройное, с красивыми руками, длинными ногами и тонкими щиколотками, только после родов увеличилась на пару размеров грудь, но это только прибавила шарма. Коллеги её уважали за добросовестное отношение к работе, друзья ценили за доброту и щедрость, родители и сын обожали просто так, только за то, что она есть на свете. А прямолинейность и прагматичность, как раз не очень нравилась мужчинам и начальству, особенно если это начальство женщина – не очень красивая, не очень умная, да и всё в ней было не очень кроме кричащей одежды, кондукторского макияжа с пурпурным лаком на ногтях и помадой на губах цвета фуксии. Клава не питала к директору благоговейных и подобострастных чувств, только за то, что та являлась её начальницей. Ей вообще было на неё плевать, лишь бы не трогала её персону и дала спокойно делать дело. Клава никогда не пыталась переделать мир, понимала всю тщетность таких попыток. В минуты обиды, представляла, что уберут эту толстую, наглую канарейку и поставят другую, или другого недалёкого дятла, например. Всё равно на этой должности никогда не появится умный, интеллигентный профессионал. И это по той простой причине, что мэр города, как правило, назначает на руководящие посты тупых исполнителей. Такими легче управлять и манипулировать. В гибком подобострастии они никогда не полезут с лишними вопросами и не ослушаются. Вот и сейчас рядовая сотрудница стояла в кабинете, который пропитался тяжёлым запахом недоугой, цветочной туалетной воды и рассматривала стены. Клавдия без надобности не заходила

в это помещение и вообще старалась обходить стороной, но если появлялась, то каждый раз находила новые причины для удивления.

«Какие же чувства двигают этой женщиной, когда она развешивает всё это на стенах? – думала Спиридонова. – Всё это от избытка патриотизма, или из религиозного фанатизма? Неужели её не волнует, какое мнение о ней сложится? Ведь приходят люди разного образования, разных верований и разного достатка».

За спиной хозяйки висели портреты президента, главы правительства и губернатора области. А по сторонам прибиты иконы разного размера с изображением святых. Директор не отдавала предпочтение одному святому, вероятно, на всякий случай, молилась всем подряд. Если молилась, конечно. Клавдия считала, что религиозность это чувство очень личное, даже интимное и выпячивать его таким образом, верх фарисейства. Просительница осадилась внутреннее возмущение и протянула листок с заявлением. Они обе чётко знали правила этой игры – она просит отпуск, директор упирается для проформы, но потом подписывает заявление и свободная женщина Клава парит на крыльях собирать чемодан. Яркая женщина-босс не могла не отпустить её, потому что уговор дороже денег. Не зря же Клава всё лето вкалывала, как проклятая, то рядилась в меховые куклы при жаре в тридцать градусов и проводила детские праздники, то дежурила вечерами на батутах на площади возле Дворца культуры, отрывая билеты, то белила кабинеты.

Половину своего месячного отпуска она отгуляла ещё в апреле, когда ей предложили горящую, совершенно недорогую путёвку в Египет. За границей до этого времени она не была ни разу и открывать свой большой мир женщина решила с Египетских пирамид. Тем более, что цена вопроса за четырнадцать дней комфортного отдыха на Красном море оказалась по карману. Отечественный туристический сервис с дороговизной и грубостью обслуживающего персонала всегда был притчей в языках. А может это мнение осталось с прошлых времён? В любом случае за те деньги, что она собиралась потратить на отдых за границей, можно лишь приобрести билеты на самолёт, чтобы попасть на отечественное побережье. И вот сейчас Клавдия снова решила вернуться на жёлтый, скалистый берег, на бирюзовое море с удивительного цвета рыбами, в отель всё включено. Только на этот раз, захотелось показать африканскую красоту сыну Василию. Но причина состояла не только в её сыне, не только в прекрасном море и отеле. Она неистово желала снова встретиться с египтянином, мысль о котором мурашками покрывала кожу на спине. Он был не из тех, кто таскал мартышек или верблюдов по пляжу в поисках желающих сделать фото на память и не официант, не обслуга с какого-нибудь отеля. Мужчина оказался прекрасно образован, с хорошими манерами и жгучей внешностью. Говорил на русском и английском языках, потому что получал образование в России и в Европе. Выглядел, так вообще сногшибательно – спортивная фигура, чёрные глаза, смоляные волосы и ослепительно белые зубы. Ещё от него исходил какой-то тайный аромат сандалового дерева.

Познакомились они случайно в аптеке. Клавдию с первых дней мучила диарея. В мыслях она поносила своего тур оператора, который предупредил, что пить воду из крана категорически запрещено, но не сказал, что и чистить зубы, и мыть фрукты этой водой тоже опасно. Первые два дня она мало куда отлучалась с территории отеля всякий раз ныряя в номер, чтобы провести время, сидя в туалете. Даже начала горевать, что может лишиться экскурсий на пирамиды, катания на верблюдах и прогулки на теплоходе по Нилу, которые Клава запланировала, а вдобавок, уже и оплатила. После этих изнурительных мучений страдалница отправилась в город, купить таблетки. В чистенькой, прохладной аптеке пахло кофе, лекарствами и эфирными маслами. Несколько посетителей, тихо переговариваясь, рассматривали что-то на полках. Клава повертела головой и поняла, что помощи ждать неоткуда, придётся скрести по сусекам памяти и вспоминать английские слова, чтобы объяснить суть проблемы. Пожилой, высокий мужчина с внимательным видом смотрел на неё из-за прилавка сквозь толстые стёкла очков, всем своим видом показывая заинтересованность, желание помочь и услужить. Она справедливо рассу-

дила, что диарея будет звучать на любом языке одинаково. С трудом подбирая слова, Клавдия обратилась к аптекарю, чётко проговаривая буквы и заглядывая в глаза, пытаясь уловить хоть тень осмысления:

– Help me please... I need help... I have diarrhea...

Старый араб, тупо уставившись на русскую, ничего не отвечал и только хлопал глазами. Клавдия поняла, что тот совершенно ничего не понимает.

«Но по-египетски я не заговорю, ни при каком раскладе... по-египетски или по-арабски? – сомневалась женщина, кусая губы. Она с обречённым вздохом отошла от прилавка. – Наверное так и буду в обнимку с унитазом весь отпуск».

– Вы имеете проблему? – спросил мужской голос на ломаном русском за спиной.

Клава обернулась и с интересом взглянула на не высокого, широкоплечего, интеллигентного вида араба. Она со смущённой улыбкой объяснила свою специфическую проблему. Мужчина кивнул и что-то быстро заговорил, обращаясь к аптекарю на тарабарском языке. До старика наконец дошло, что от него хотят. Он достал упаковку таблеток и, наклонив голову, услужливо протянул Клавдии. Она облегчённо вздохнула, рассчиталась и вышла в пекло улицы вместе со своим переводчиком.

– Спасибо, вы меня выручили.

Женщина тряхнула волосами, как бы отгоняя неловкость, и суетливым жестом нацепила солнечные очки. Она была несколько смущена своим, мягко говоря деликатным заболеванием. Потом, понимая, что за тёмными стёклами, он не сможет проследить её взгляд, бесцеремонно уставилась на переводчика и рассматривала несколько секунд. А из его головы молниеносно выветрилось, то зачем он пришёл в аптеку. Мужчина бестолково топтался, не зная, как продолжить знакомство. Пауза затянулась. Парень, спохватившись, махнул рукой вдоль длинной, торговой улицы предложил:

– Мы можем зайти в бар по близости, выпить кофе и воды, чтоб вы съели лекарство.

Они перешли дорогу, и попали в полумрак и прохладу небольшого, уютного бара.

Так они познакомились, долго болтали, с интересом рассматривая друг друга и вскоре перешли на ты. Он скоро очаровался этой русской женщиной. Вроде и не распушена, но ведёт себя легко и свободно, не красива, но обаятельна и женственна. На его взгляд не особенно умна, но может говорить на любые темы. Главное без стеснения сознаётся, если чего-то не понимает. Высокая, русые волосы по плечам, морщинки в уголках зелёных глаз и... потрясающая улыбка.

Клавдия хотела просто отдохнуть, насладиться морем, солнцем и даже не допускала мысли о каких-то отношениях, тем более с арабом, но сейчас, у волн и песка расслабилась. Ей неожиданно стало легко с этим человеком, который смешно путал русские слова и окончания. Мысленно женщина констатировала – египтянин просто красавчик! На семь лет моложе её, но седина на висках прибавляла возраст. Имя приторно сладкое – Халил. Родился в пригороде Каира в не очень богатой, не очень большой семье – четверо детей. Он последний, четвёртый и не женатый, в отличие от своих старших братьев. В представлении Клавдии, которая была единственным ребёнком, семья из шести человек казалась громадной. Это же сколько надо еды, комнат, учебников, одежды! Хорошо, что климат тёплый, если бы жили в Сибири, то с таким составом, можно на валенках и рукавицах разориться. Также не понимала, что значит «не очень богатой»? Сейчас трудно разобраться в своей стране о степени достатка, в основном люди живут от зарплаты до зарплаты, а про Африку судить вообще нет никакого смысла. Однако иметь дом в пригороде столицы, дать хорошее образование четверым детям, трое из которых владеют личным жильём и бизнесом, это показатель стабильности и достатка в любой стране мира. Клава с неожиданной грустью вспомнила своих родителей. Те работали всю жизнь не разгибая спины – отец учителем в школе, мать нормировщице в ЖЭК-е. Они всегда держали своё хозяйство и большой огород с картошкой, помидорами, огурцами, со множеством всякой зелени. Никогда не выезжали дальше местного санатория, если случалась такая удача

получить бесплатную путёвку от предприятия. Поправляли здоровье зимой и порознь, потому что два раза в день надо принести харчи для поросёнка Борьки, да пшена для десятка кур. А про лето и говорить нечего— день год кормит. Сейчас оба с гордостью носили статус пенсионера и «ветерана труда», но ничего не желали менять в своём укладе. Они были счастливы если утром отец приносил не три, а пять яиц из-под наседки, если у Борька хрюкал и имел отменный аппетит. Тихо радовались, что к осени получат хороший урожай капусты, картошки и свеклы. Так и жили в квартире на третьем этаже, а с ранней весны, до глубокой осени колготились на участке с маленьким домиком. Помимо этого на огороде имела милая беседка, большой парник, загончик для животины и, засаженные овощами, ровные грядки. И с каждым годом всё яснее приходило понимание, что честно стать богатым и состоятельным невозможно, да и быть порядочным совсем не модно. Но как уверенно и спокойно Клавдия чувствовала себя, когда в жаркий, летний день собирала с грядки крупную клубнику или чёрную, ароматную смородину в большое, жёлтое, эмалированное ведро. Мама на уличной печи варила щавелевый суп, отец сколачивал новый парник, радио «Маяк» рассказывало новости, чумазый Васька грыз огурцы. В такие минуты Клава понимала, что даже если никогда в жизни не съест мидии, не увидит Эйфелеву башню, не искупается в Средиземном море, она уже благополучна и состоятельна. Ведь уже получила эти блага — живых родителей, здорового сына, еду и кров над головой.

Халил пригласил провести вечер в городе. Клавдия с радостью согласилась, потому что с соседкой по номеру они отлично подружились, но имели разные понятия об отдыхе, хотя и были одного возраста. Её звали Катя. Эта чернявая, крупная женщина с большим бюстом и с закрученной халой на голове приехала из Харькова, имела характер открытый и общительный. Она много и громко хохотала, и была уверена, что если приобрела тур всё включено, то должна включить в себя всё возможное из этого отеля. Хохлушку не интересовали достопримечательности, культурные ценности, музеи и архитектурные шедевры. Все дни весёлая барышня проводила в бассейнах и в море, накачивалась разными напитками, которые предлагали в барах, принадлежащих отелю.

Они переодевались к ужину, и Клавдия, как бы между прочим, поделилась своими планами на вечер. Катя крутилась перед зеркалом, выстраивала красивую пирамиду из роскошных волос и накладывала яркий макияж. Она посмотрела на приятельницу через зеркало и с сомнением покачала головой:

– Видела я, когда этот тебя провожал. Красивый, слов нет. Только не нравятся мне арабы, не по-нашенски это. Вот зачем тебе мусульманин нужен, вон сколько мужиков в отеле проживает и белорусы и русские, да и хачиков полно, грузин и армян на пляже, как песка. На крайний случай немцы или финны. Ведь всё христиане.

Клавдия не стала спорить, только засмеялась и после ужина выскочила из отеля в жару и аромат улицы, где сидя у фонтана, ждал её Халил. Они до поздней ночи гуляли по городу, ели банановое мороженое, танцевали на дискотеке, сидели в баре, пили сок манго. Она чувствовала себя так легко и свободно много лет назад, когда была студенткой. Тогда казалось что всё самое прекрасное ещё впереди. Потом он проводил её до дверей отеля, и поцеловав в щёку отправился на свою съёмную квартиру на окраине города. Он шёл по разноцветным, неоновым улицам, хотелось подпрыгнуть, изобразить ногами замысловатые па. Халил радовался мысли о новой встрече. Мужчина был искушённым в делах амурных и знал, что может очаровать женщину легко, без больших усилий. Он получил хорошее образование— мог поддерживать любой разговор и знал, что хорош собой. Египтянин заботился о своём теле, три раза в неделю проводил в фитнес клубе, по несколько часов изнуряя себя на тренажёрах. У него имелся свой дантист, что достаточно дорого в Египте и свой парикмахер. Одежду выбирал для себя любимого тщательно, а зачастую выписывал из модных каталогов. Несколько раз в год навещал своих родителей и братьев. Халил воспитывался в большой, исламской семье, в атмосфере строгости и богобоязненности. Он был последним ребёнком и жёсткость родителей

как-то смягчалась, когда дело доходило до младшего, любимого сына. Когда-то, давно мать насильно выдали замуж за человека, которого она не любила. Она смирилась со своей участью, но со временем прибрала бразды правления в семье в свои руки. «Пророк Мухаммед (да благословит его Аллах и приветствует) говорил:

«Рай находится под ногами ваших матерей. Мать даёт жизнь, тепло и знания».

Такой закон и порядок царил в доме и все мужчины, включая мужа, неукоснительно соблюдали его. Его семья настаивала на браке с непорочной девушкой-мусульманкой его круга, но пока это не входило в его планы.

Клавдия зашла в номер на цыпочках, чтобы не разбудить соседку, но та и не думала спать. Весёлая дама сидела на балконе и трепалась то ли с грузинами, то ли с армянами, которые жили в соседнем номере и их лоджии разделял только низкий бортик. Разбитная Катюшка прихлёбывала ром из пластиковой бутылочки, закусывала клубникой и приглушённо хохотала над пошлыми побасёнками страстных мужчин. Ром она загодя сливала в барах отеля в течение дня в маленькую пластиковую бутылочку, чтобы вечер проходил так же весёло и радостно, как и день. Клавдия в полёте до кровати скидывала с себя браслеты, обувь, лёгкий сарафан, заколку для волос и, не обращая внимания на смех и разговоры, уснула глубоким сном. Ей приснилось, что она поднимается по лестнице на третий этаж в подъезде, где живут родители, где прошло её детство. Вдруг краем глаза замечает, что за ней из темноты вышел кто-то мрачный. У неё, маленькой девочки с тонкими косичками, от ужаса сжимается всё внутри и сердце колотится гулким набатом. Огромный мужик с узловатыми, здоровыми ручищами поворачивается, и Клава перестаёт дышать, изо всех сил зажмуривает глаза и вжимается в угол. Она надеется, что он не заметит, не услышит шумное дыхание, не учует запах её страха. Маленькая Клавочка не видит его лица, но ей невероятно страшно! Она в отчаянном порыве бежит вверх, перепрыгивая через три ступеньки на площадку, шарит под ковриком в поисках ключа и лихорадочно, трясущимися руками пытается открыть замок. А этот жуткий человек уже близко и протягивает руку совсем близко, так, что она может видеть переплетение вен на запястье. И в последние секунды девочка проскальзывает внутрь квартиры, с силой захлопывает дверь, закрывает замок и сердце готово выскочить из груди от невероятного ужаса. Она проснулась от жуткого сна как будто кто-то толкнул, в первые секунды не соображая в каком измерении происходит этот кошмар— во сне или наяву. Клава ещё некоторое время лежала без движения не открывая глаз, с облегчением осознавая, что это только сон. По вискам пролилась то ли слеза, то ли капелька пота. Скорее пот, потому, что кондиционер не включен, балконная дверь открыта, тяжёлые шторы не задёрнуты. Раннее солнце уже лупило нещадно. Весёлая соседка, похоже, выпила лишнего и не позаботилась о комфорте. Сама храпит со свистом, так и понятно, время шесть утра, хорошо, что балкон открыт и сивушного запаха алкоголя нет. Клавдия спрыгнула с кровати и побежала в душ. Неприятный сон мигом выветрился из её головы, как только прохладная вода щекотными струйками побежала по телу. Когда укладывала волосы и делала макияж, что-то тихонько напевала себе под нос, она летала, порхала, она была счастлива! Сегодня должна состояться прекрасная встреча, о которой так долго мечтала и ждала! Через несколько часов она увидит Пирамиды в Гизе, потом запланировано посещение Каирского музея древностей и прогулка по Нилу с культурной программой. Все мысли были заняты предстоящей экскурсией, и Клавдия забыла не только о предутреннем кошмаре, но и о том, что обещала встретиться вечером с красивым арабом.

День пролетел незаметно. Рано утром группа туристов вылетела на маленьком самолёте в Каир. Клава сотни раз видела всё это на картинках, по телевизору, в кино. Ещё в юности, девочкой с упоением читала книгу Болислава Пруса «Фараон», а перед отъездом специально посмотрела фильм «Мумия». У неё сложилось своё представление об этих местах. Но то, что она увидела воочию поразило до глубины души и сознания. В голове никак не укладывалось то, что эти грандиозные строения могли сотворить человеческие руки. В Гизе хотелось оста-

новить каждое мгновение, каждую минуту. Она трогала, обнимала эти камни, чтобы проникнуть в тайну и понять истину. Ведь если Пирамиды простояли многие тысячелетия и будут существовать всегда, в этом она не сомневалась, значит жизнь бесконечна. Поколения людей уйдут в небытие, разрушатся города, страны, и снова возродятся. И только Пирамиды знают мудрость вечности. Но они гордые и молчаливые, никогда не раскроют свои тайны. Позволяют только дотронуться к раскалённому на Солнце камню. Клавдия находилась в состоянии бесконечного восторга от этого соприкосновения к величайшей цивилизации, хотя столица сильного государства с тысячелетней историей производила впечатление просто удручающее своей неопрятностью. По улицам высились горы бытового и строительного мусора, высотные дома стояли не достроенные с пустыми, тёмными окнами, как после бомбёжки или землетрясения. Тут же, рядом с этой знойной нечистью, выстраивались холмы из арбузов, апельсин, дынь и разных фруктов, а торговцы сновали рядом, зазывая покупателей. В Гизе у Пирамид, она замешкалась, восхищаясь громадностью строений и в какую-то секунду выпустила из виду свою группу. Вдруг запаниковала в первую минуту, но увидев, как струйка людей исчезает в небольшой Пирамиде неподалёку, решила, что гид повёл соотечественников туда на экскурсию. Клава ринулась внутрь, оттолкнув охранников в форме, которые стояли на входе для соблюдения порядка. Чтобы войти, надо было купить билет, но глядя на чокнутую, они пожали недоуменно плечами и расступились. Женщина невероятно испугалась. Ей стало страшно от того, что она потеряет свою группу и останется одна в этой стране без денег и знания языка. Что она хотела увидеть внутри? Да ничего не хотела, лишь торопилась догнать соотечественников. Только краем глаза отметила, что по крутым ступеням вниз вёл узкий, длинный, полутёмный коридор, по которому спускались и поднимались люди, держась за деревянные перила. Клава расталкивала всех на своём пути без извинений и церемоний, отрывала чьи-то руки от перил, очищая себе дорогу. Иностранцы возмущались и какие-то слова бросали ей вслед вроде того, что обнаглели эти русские. А она пёрла, как танк, не обращая ни на кого внимания и громко покрикивала:

«Да отцепись ты!»

«Там моя группа!»

«А ну-ка пропустила!»

Когда добралась до самого дна подвала и попала в маленькую комнату, огляделась в поисках продолжения пути, но это оказался конец. Её группа никак не смогла бы поместиться здесь. В комнате могло находиться не более четырёх человек. Только один иностранец, сидящий, сложив ноги в позе лотоса на полке, на которой когда-то располагалось мумифицированное тело жены фараона, увидев взмыленную, лохматую бабёнку, развёл руками и, высунув язык воспроизвёл неприличный звук. И Клавдия с округлёнными глазами поняла, что он имел в виду. Мол прибежала овечка добровольно, а ведь тут и хоронят пустоголовых баб на тысячелетия. Она резко повернула назад, и так же прытко, расталкивая всё и всех на своём пути, пробралась наверх. Её обдало зноем, запахом верблюжьих экскрементов и гвалтом туристов. Неожиданно за грудой камней она увидела соотечественников, которые табунились вокруг пожилого гида. Хитрый египтянин, не торопился приобщить русских к всемирному наследию. Он что-то царапал с умным видом в записной книжке. Оказывается составлял список желающих приобрести золотые украшения, которые, по его словам, как амулеты будут охранять владельца и подарят если не вечную жизнь, так вечную молодость это точно. Клава обессиленно села на огромный камень и захохотала громко и до слёз. Скоро забылся этот инцидент, затёрся за следующими, яркими впечатлениями. Женщина находилась в состоянии счастливого восторга. Она бродила среди драгоценных экспонатов в Каирском музее, а потом во время прогулки на роскошном теплоходе по Нилу со зверским аппетитом поглощала еду со шведского стола и громко аплодировала, когда смотрела до головокружения мужской танец с юбками – Танура.

Она вернулась в отель уже ближе к полуночи настолько уставшая, что еле-еле плелась босиком, потому что не могла воткнуть отёкшие ноги в спортивные тапки. Клавдия не сразу заметила у журчащего фонтана своего вчерашнего ухажёра, а когда увидела, села с ним рядом на скамью, с удовольствием протянула ноги и виновато спросила:

– Ты ждёшь меня? Извини, совсем забыла тебя предупредить. Я была на экскурсии в Каире.

Мужчина находился в состоянии дикой досады и раздражения. Он протирал штаны на этой скамейке уже около четырёх часов, после работы, голодный, почти что сдох от жары, а она, видите ли, забыла предупредить, сидит, потягивается как кошка. Халил правоверный мусульманин, с налётом европейской культуры, хотел заставить поклоняться и уважать себя, но понимал, что рядом с ним русская женщина, а эта нация не входила ни в какие понятные рамки. Русских нельзя было объяснить или предсказать, и от этого их просто боялись. Однажды он оказался свидетелем инцидента в одном отеле. Большая компания европейцев, слегка перебравшая со спиртным в баре у бассейна начала задирать русских какими-то нацистскими высказываниями. Русские сидели спокойно, не выказывая раздражения, хотя старательно закидывали за воротник неразбавленный виски, громко разговаривая и смеясь. Они достаточно долго не реагировали на дрянные шутки, но когда молодой, здоровый с прыщавым лицом то ли поляк, то ли немец взял со стойки бара российский флажок, окунул в бокал с пивом и стал протирать свои кроссовки, чаша терпения переполнилась. Тут поднялся коротко стриженный, невысокий, с квадратным подбородком мужик. Он подошёл к разгорячённым, европейцам и спокойно спросил о цели провокаций, спросил какими-то словами, что не понравилось бы самому толерантному и терпеливому. Через секунду стало совершенно непонятно кто начал первым, но зрелище выглядело как в старом фильме о диком Западе. Конфликт разрастался, как снежный ком, вовлекая всё больше и больше участников, причём русские женщины участвовали в побоище рядом с мужчинами. В ход пошли стулья, шезлонги, кого-то топили в бассейне, бутылки разбивались не понятно о чьи головы. Персонал в испуге попрятался в закутках и служебных помещениях. Приехало несколько нарядов полиции. Попытались надеть наручники на особо разбушевавшихся, но браслеты не сходились на запястьях русских мужиков. Кое-как стороны стали успокаиваться, и некоторые даже решили обмыть окончание конфликта. Но последнее слово осталось всё-таки за русскими, какой-то особо прыткий смельчак залез на крышу отеля и повесил российский флаг.

Халилу хотелось встать, психануть, убраться в прохладу своей квартиры, лечь на подушки, пить крепкий чай, смотреть телевизор. Он поднялся, хотел что-то сказать, но не смог в уме перевести слова, только воздел руки к небу, как будто о чём-то просил своего бога, и вена на шее пульсировала кровью от негодования. Потом повернулся, сел перед ней на корточки, начал массировать отёкшие ступни и расспрашивать, какие впечатления у неё о Каире, о Ниле, да и обо всём, чем он мог гордиться в своей стране. За разговором мужчина утихомиривал свое раздражение, потому что понимал – одно резкое слово и он её больше не увидит. Позднее, простившись у дверей отеля, Халил взял с женщины клятву в том что завтрашний вечер они проведут вместе.

Так и шли замечательные дни отпуска. Днём Клавдия купалась в бассейне или в море, каталась на экскурсии, ела экзотические фрукты, а вечера они проводили вместе, сидели в барах, танцевали на дискотеках, гуляли по оживлённым, вечерним улицам. Он говорил ей о любви, говорил красиво и витиевато, как умеют только пылкие арабские мужчины, целовал руки и был невероятно галантен. В один из вечеров, когда он подвёз её на автомобиле к отелю, их прощальный поцелуй перешёл из дружеского в страстные сексуальные объятия, и Клавдия, чтобы остановить этот порыв выскочила из авто, как ошпаренная. Густой аромат экзотических цветов и электрический воздух сделали своё дело. В эту ночь они страдали бессонницей каж-

дый в своей постели, понимая, что незачем сдерживать то, что неминуемо должно произойти. В полудрёме Клавдия думала:

«Быть в Африке и не почувствовать африканской страсти совсем не правильно»!

На другой день он привёз её к адвокату, где находилось ещё двое мужчин, как выяснилось позже, это были свидетели. Пара подписала орфи-контракт и по законам Египта теперь считалась мужем и женой. И в то же время этот контракт не давал никаких прав и обязательств ни для Халила, ни для Клавдии, кроме одного— они могли спать в одной постели, не опасаясь порицания или проблем со стороны полиции. Так Клавдия осталась на ночь в квартире Халила, и до конца отпуска в номере отеля ночевать не оставалась, только приходила, чтобы сменить одежду, искупаться в бассейне и посетить ресторан.

Сейчас она сама не понимала, зачем сказала эту ложь. Может быть хотела почувствовать себя успешной или хоть на время пожить той красивой жизнью, о которой читала в книгах, видела по телевизору в светской хронике и в гламурных, глянцевого журналов. При первых встречах, когда только приподнимала завесу своей жизни, Клавдия рассказала этому малознакомому мужчине, что достаточно состоятельна, занимается недвижимостью и имеет свой бизнес в России. Но в остальном не солгала ни грамма, делилась историями своей жизни абсолютно правдиво. Женщина живо и в красках описывала свой город, сына Василия, родителей, своих друзей, детство и юность. Умолчала только о бывших любовниках и об ухажёре, который с тоскливым видом провожал её у дверей аэропорта. В этот грустный момент незадачливый кавалер уже решил для себя, что расстанутся они навсегда, потому что жена стала догадываться о связи на стороне. В тот момент ни Халил, ни Клавдия не могли предполагать, что их отношения начнут расти, как опара на дрожжах. Позднее, когда в голове всплывала эта маленькая, незначительная ложь про несуществующее богатство, то это царапало душу и совесть. Она давала себе обещание, что при первой возможности расскажет всё, как есть на самом деле, но быстро забывала о своём обещании. Ни у одной Клавдии бушевали душевные переживания. Халил был правоверным мусульманином, он понимал, что не может иметь отношения с женщиной не его религии, тем более отношения телесные.

«И пусть будут воздержанны те, которые не находят возможности брака, пока не обогатит их Аллах своей щедростью».

Так говорил Коран, так говорил его отец и мать. Халил мог быть аскетичным во многих вещах, мог мало спать, есть непривлекательную пищу, много работать, но в отношениях с женщинами он проявлял лояльность к себе. В тридцать восемь лет, он не был женат, проживал в большом, курортном городе, и большим грехом считал воздержание, тем более это казалось невероятно трудным рядом с этой страстной, русской женщиной. Он имел темперамент южный, горячий и ему нравился процесс обольщения, иногда это не стоило ему ни фунта. А зачастую это он брал доллары или евро у какой-нибудь не очень молодой, тощей немки или англичанки с жабьим подбородком. Халил считал это нормальным получать деньги за хорошо сделанную работу, за страстный секс, за то, что женщина чувствует себя единственной в этом мире для него и не важно, что вскоре после её отъезда появится другая. Он брал плату за дорожную обёртку тела, в которое он вкладывал силы, средства и время. А когда мадам шла рядом, её просто распирало от гордости, что этот красавчик, хоть на время, хоть за деньги, но принадлежит только ей. Но ни при каком раскладе он бы не рассказал об этой женщине, при мысли о которой, останавливалось время. Халил носился со своей мечтой — он хотел открыть свой медицинский кабинет. Египтянин долго сидел в интернете, перебирал варианты и цены. Вскоре составил смету на приобретение необходимого оборудования, и уже нашёл небольшое помещение в центре города на тихой улочке за небольшую плату. Здесь, в курортном городе, круглый год сновали туристы с детьми, пожилые гипертоники из разных стран и зачастую медицинские страховки покрывали не все заболевания и несчастные, страховые случаи. Поэтому Халил не сомневался в процветании бизнеса, да и кто его знает, позднее сможет открыть свой медицин-

ский центр, если будет упорным в достижении цели. И каждую пятницу, в конце рабочего дня, он заходил в банк и делал вложения в свою мечту. Надеяться на помощь престарелых родителей мужчина не мог, наоборот, это он, как младший сын, который не имеет своей семьи должен помогать старикам. Таковы традиции! Благо отец имел небольшие сбережения, скопленные за долгую жизнь, и старики не особенно нуждались. Ну а если происходило что-то из ряда вон, вроде протезирования зубов для матери, или операции для отца по удалению катаракты глаза, тогда все братья принимали участие кто, чем мог. Кредит в банке брать доктор не хотел, потому что считал это кабалой на всю жизнь.

Когда мужчина гостил в доме родителей, то снимал с себя светский костюм и одевал галабию— белую, длинную рубаху свободного покроя. Он с усердием помогал отцу в саду и в доме. Мать любовалась на мальчика, молитвенно складывала руки и качала головой. Как же так, другим сыновьям Аллах дал детей, а он Халил-надежда родителей, самый умный и образованный в семье живёт, как дерево хорсия —крона усыпана красивыми цветами, а ствол покрыт колючками. Каждая женщина может любоваться красотой её сына, но никто не может обладать им. Да он и сам понимал, что не становится моложе. Пора наконец менять статус: из легкомысленного холостяка превращаться в женатого мужчину, из подчинённого в хозяина, из квартиросъёмщика в домовладельца. Но счёт в банке рос медленно, как шаг верблюда, а время летело, как песок сквозь пальцы, и сначала он выдёргивал седые волоски со своей головы, но вскоре виски уверенно серебрились на смоляных волосах.

Когда остался один день до отъезда Клавдии, Халил всё для себя решил. Он понимал, что возникнут проблемы с родителями— не такую участь они пророчили потомку и осознавал, что сделал выбор совершенно противоположный пожеланиям семьи— женщина старше его, не исламской веры да ещё и с ребёнком! В глубине души египтянин негодовал. А что он нарушает? Это арабским женщинам запрещается выходить замуж за парней других национальностей, а для мужчин такого запрета нет. Да и что бы он получил от брака с египтянкой? Родители и родственники невесты начнут торговаться за калым, потом вези им подарки и доказывай, что ты сможешь содержать их дочь в богатстве. Невесте надо преподнести «марх», куда входит три золотых кольца: обручальное, с бриллиантом и ещё кольцо с любым драгоценным камнем! И это только необходимый, минимальный набор на помолвку. Остальное на усмотрение жениха. Да ещё и жильё вместе с обстановкой для будущей семьи жених обязан приобрести сам. И если у претендента нет ни золота, ни дома, ни одна уважающая себя девушка не пойдёт за него замуж. А что взамен? От невесты требуется лишь кухонный гарнитур! И после свадьбы жена будет сидеть дома, а муж горб ломать в три погибели, чтобы обеспечить её капризы. Халил в корне не соглашался с такой расстановкой сил в построении семьи. Всю ночь он размышлял и на следующее утро в большом ювелирном магазине приобрёл кольцо с сапфиром. Халил верил в силу драгоценных камней и знал, что этот камень предпочитали древнеегипетские фараоны и жрецы. Сапфир носили на груди и старые поверья гласили, что этот камень укрепляет чувства влюблённых, и защищает владельца от всяких напастей. Когда он крутился возле огромных витрин с драгоценностями, то от такого изобилия долго не мог определиться с выбором. Вот тогда вспомнил легенду о тех временах, когда мир был юн и свеж, боги правили им безраздельно, свободное от тягот власти время, пируя в заоблачных дворцах. Для людей не было мечты горячее, нежели попасть на небо и своими глазами увидеть золотые чертоги, усыпанные невиданными самоцветами, где царит вечная весна, а смерть отступает навсегда. Один из людей так неистово взмолился верховному богу, что ничего так не желает, как увидеть седьмое небо, самое высокое из всех. Бог сжалился над несчастным, но поступил по-своему: не стал приглашать наглого смертного в обитель богов, а взял чашу с напитком бессмертия, что пьют боги на пирах и разбрызгал по всему миру. Падая вниз, брызги превращались в великолепные синие камни сапфиры. С тех пор, глядя в мерцающие глубины сапфиров, люди видели там отражение рая, настоящей нирваны— и тоска по небесному городу не терзала их больше, ведь

у них теперь было утешение. Египтянин уверенно выбрал кольцо с сапфиром и вгляделся в камень. Халил понял, что вместе с величием, этот камень несёт смирение перед неизбежным, уверенность в том, что седьмое небо существует. Он построит этот рай для себя здесь, на земле и скоро получит то, к чему так долго стремился. Вечером, без долгих церемоний, сидя в уличном кафе, он взял руку Клавдии, надел кольцо на палец и робко спросил:

– Мы мусульмане верим, что наш мир окружён цепью из сапфировых гор, дающий синий отблеск, поэтому эти камни называют брызгами неба, – он поцеловал ей руку. – Ты согласна быть моей женой?

Он ёрзал на стуле, ладони вспотели и в животе образовалась холодная пустота. Халил в первый раз делал предложение женщине.

Почему-то это показалось Клавдии невероятно смешным, она хохотала так громко, что обернулись посетители, сидящие за другими столиками. Ведь так долго она ждала этих слов, ходила по целителям и гадалкам, снимала венец безбрачия, платила немалые деньги, а оказывается выйти замуж очень просто, надо только уехать за границу! Да если бы она знала, давно сделала загранпаспорт!

Халил насупился не ожидая такой реакции, и она поспешила успокоить:

– Да, Халил, я согласна...но всё так неожиданно. И как твои родственники посмотрят на это решение? Где мы будем жить? Ведь у меня есть сын, ты же знаешь, и я не оставлю его.

Он молчал несколько минут, делал вид, что рассматривает меню, а сам собирался с мыслями. По поводу сына у него имелись свои соображения, Халил не хотел отягощать свою новую семью чужим ребёнком. Он думал, что Клавдия ещё достаточно молода и сможет родить ему ребёнка, а этого мальчика можно оставить в России на бабушку и дедушку. Ведь не чужие люди! Но пока решил не поднимать этот сложный вопрос, и остаток времени они провели в мечтаниях о дальнейшей совместной жизни. Решили, что Клавдия вернётся в Египет с Василием через несколько месяцев, в октябре, вот тогда все отправятся в Каир для знакомства с семьёй и родителями Халила.

Глава 2

Клавдия чувствовала себя бесконечно счастливой. В состоянии такого абсолютного, чистого блаженства она не находилась никогда в жизни. Женщина предполагала, что предстоит трудный разговор с родителями, и всё-таки была уверена, что ради благополучия дочери они согласятся на всё. Самым большим страданием для них будет разлука с внуком Васечкой. Остаток времени до вылета в Россию Клавдия потратила на покупку презентов и подарков для своих близких и друзей. Ей хотелось хоть подарками смягчить известие о том, что она планирует поменять страну проживания. С соседкой Катей они простились тепло, обнялись на прощание. Украинка всхлипнула печально:

– Ты серьёзно замуж за него собралась?

– Почему ты спрашиваешь?

Катерина пожала плечами. Она не хотела лезть в душу к подруге с нравоучениями, но ей совсем не нравилось что происходило между этими людьми. Нет, Клавдия-то видит всё в розовом свете. Ах, море! Ах красавчик муж! Ах, любовь неземная, какие слова, стихи на французском, какое прекрасное будущее! Насмотрелась, наверное, в детстве индийских фильмов с хеппи эндом. Только не верилось в искренность чувств этого холёного араба. Клавдия женщина, конечно, видная, ничего не скажешь, но разницу в возрасте не скрыть. А мужик живёт в курортном городе, где женщины со всего света, красивые, молодые. Любая с ним время с удовольствием проведёт и даже денег заплатит. А он выбирает даму старше его, ростом с ним вровень без каблуков, не богатую, да ещё и с ребёнком. А в любовь с первого взгляда в этом возрасте Катерина давно не верила. Но не открыла свои мысли приятельница, не захотела огорчать счастливую женщину своими сомнениями, и только сказала с присущей прямоотой:

– Ой, Клавка, запоганишь свою жизнь с этим урюком, как-то свой, русский надёжней вон я с грузином промусолилась весь отпуск, сейчас в Харьков приеду как новенькая, муж на руках носить будет. Вот ответь, а ты правда его любишь?

– Лучше скажи ты, во сколько лет замуж вышла? – вопросом на вопрос ответила Клава. Катка громко захохотала, колыхая пышным бюстом.

– Я замуж стала выходить периодически, когда ещё паспорта не имела!

Клава присела на чемодан и задумчиво произнесла:

– Меня первый раз замуж позвали, а ведь мне уже далеко за сорок. Да и сыну здесь лучше будет.

Клаве стало как-то грустно от воспоминаний. Почему за все годы ни один мужчина не сказал ей таких простых и нужных слов. Все выходные и праздники она скиталась по чужим семьям и застольям, веселилась в разных компаниях. Потом одинокая возвращалась домой, смывала с себя праздничную разукрашку, одевала старую пижаму и ложилась спать под включенный телевизор для того, чтобы создать иллюзию чьего-то присутствия. Много изменилось с появлением сына, осталось меньше времени на уныние, но грустные мысли роились особенно в новогоднюю ночь тет-а-тет с бутылкой шампанского или на восьмое марта без обязательного букета цветов. Клава потряхнула с себя задумчивость и кинулась прощаться с соседкой. Обменялись телефонами, расцеловались смачно и разъехались, договорившись, что может быть встретятся в октябре в этой же стране, в этом же городе, да только как загадывать...

На работе всё решилось без особенных усилий, тяжелей всего было разговаривать с родителями. Мама плакала, прижимая к себе стриженую голову родного внука Васечки, отец горестно качал головой, но он видел, какими лучистыми стали глаза их дочери, и в душе даже появилось чувство гордости. Будущий зять его устраивал – образованный доктор, правда, чуть моложе их дочери, так в этом и есть заслуга Клавдии, сумела влюбить в себя молодого, умного,

красивого, а не какого-то забулдыгу-шахтёра, который надирался бы каждый выходной, да ещё и на Клавку бы руку поднимал. Так вот отец и думал, замахнув пару рюмок коньячку:

«Если решила, так пусть и едет, жить будет в курортном городе, на Красном море, работу себе всегда найдёт, благо в институте выучили Петрушкой прыгать. На кусок хлеба всегда заработает, даже если с мужем не заладится».

Клавдия решила вопрос с директором школы по поводу того, что Василий пропустит уроки. Она клятвенно пообещала, что наверстают упущенное за две недели, когда вернуться из поездки. Благо с главным руководителем школы они давно приятельствовали, и та не чинила особых препятствий. Для всех Клавдия отправлялась с сыном в отпуск по горячей путёвке. Лишь родители и подруга Женька знали, что они едут знакомиться с семьёй будущего мужа. Клавдия даже Василию решила сказать об этом в последний момент. Отсерегалась, что мальчишка по доброте душевной и наивности что-нибудь квакнет в школе и пойдёт сарафанное радио. С Халилом ежедневно разговаривали по телефону и по скайпу, так произошло заочное знакомство с родителями, с подругой Женькой и Василий не остался безучастным, то и дело совал в экран свой нос. Решили, что после этого визита и встречи с его семьёй, Клавдия с сыном снова вернуться в Россию, чтобы мальчик закончил учебный год, а она подготовит все документы для регистрации брака. Клавдия купила поездку так же в туристической фирме, правда отель взяла дешевле. Она посчитала, что жить в квартире Халила вместе с Василием не совсем правильно. Лучше, если сын естественным образом и без резких перемен подружится с будущим отцом. Она рисовала себе идиллические картины их совместной жизни – как Халил терпеливо объясняет Василию написание букв арабского алфавита, как они ходят вместе на рыбалку и смотрят по телевизору футбол. А она печёт пироги и варит борщ. От этих мыслей становилось тепло и радостно. Ей казалось, что теперь жизнь наполнится интересом и смыслом.

За несколько дней до отъезда они с подругой Женькой организовали застолье. Пара бутылок коньяка, салаты, мясо в духовке. Задушевная подруга подкладывала и приговаривала:

– Ешь, дорогуша, свининку. Мясо нежное с жиринкой, а то скоро только постное, да и коньяк там тебе хлестать никто не даст, так что набивай и пузо и запоминай такую вкуснотищу.

И пили и ели от души, дело до песен про «Мороз» и про «Рябину» дошло. И стало Клаве как-то грустно, она поняла, что будет невероятно скучать по тем обычным вещам, на которые даже внимания не обращала в повседневности – по своим домашним тапочкам, по тиканью настенных часов – подарок к сорокалетию с работы, по виду из окна на сквер, где на лавочках вечерами сидели парочки, по сугробам, пурге и снегу, которых не будет в Египте. Обязательно загрустит по своим родителям, по Женьке, которая забравшись с ногами на диван, пыхтела сигаретой и также кручинилась от предстоящей разлуки с подругой. Наверное глядя на жёлтые пески даже всплакнёт, напевая песни про злую судьбу. От этих мыслей Клава всхлипнула и громко высморкалась. Подруга Евгения не утешала, лишь горько вздохнула, выпила рюмочку, закусила долькой лимона и придвинула тарелку с холодцом. Вдруг, что-то вспомнив, спохватилась:

– Да, Клава, я видела вчера твоего бывшего, такой джентльмен стал, одет с иголочки, машина не дешёвая, большая, серебристая.

Клава размышляла о своей печали и не сразу сообразила, о ком говорит подруга:

– Ты о ком? У меня таких бывших вагон и маленькая тележка.

– О папаше Васькином.

Клавдия возмутилась:

– Папаша, куда там, да кто бы ему сообщил, что он папаша! Семь лет без него жили, а сейчас и вообще нужды в нём нет.

– Ой, Клава, что я наделала, – у Женьки из рук выпала ложка, – Я просто треплю поганое, знаешь, что я ему сказала? Мол радуйся, бессовестный, жил ни за что не отвечал, ни копейки не давал, так уедут твои и знать не будешь, каким сын вырастет.

В другое время Клавдия просто бы наорала на подругу, но алкоголь и эйфория от предстоящей перемены участи смягчили её реакцию. Она только покачала головой сокрушённо и проговорила тихо:

– Да провались ты, Женя, пропадом, не хватало мне проблем перед отъездом, не дай бог притащит свою задницу про сына узнавать, – Клавдия сердито покачала головой. – Хотя вероятность мала: сто лет не хотел ничего знать, а сейчас если сытый и богатый тем более не интересны мы ему. Да хоть бы так!

Но зря обольщалась Клавдия, объясняться всё-таки пришлось. Стоял ясный, осенний вечер, она шагала не спеша после работы по скверу к своему дому, вспоминала, какие продукты есть в холодильнике и размышляла, что приготовит на ужин. Женщина увидела его издали, даже скорей не увидела, а почувствовала, что это он. Как не гнала назойливые мысли, всё-таки в глубине души, знала, что встреча неминуема. Клавдия шла неторопясь, успокаивая волнение и рассматривая его, изменившегося и чужого. Высокий, в тёмном строгом пальто, ботинки долларов за триста, перчатки не с китайского рынка. Похоже и он слегка нервничал, теребил в руках небольшой, коричневый портфель и в голове мучительно подбирал слова, которые скажет:

– Привет Клава.

– Привет Петя.

Она в упор рассматривала его и думала:

«Что же пошло не так»? Сейчас он нравился ей больше – судя по аромату – хороший одеколон, судя по улыбке – дорогой дантист, да и весь он был какой-то не ширпотребный.

– Ты не изменилась, такая же красивая.

Он попытался взять её за локоть, но Клавдия убрала руку и тяжело вздохнула:

– Ну, зачем ты пришёл, Петя? Что тебе надо сейчас?

– Надо Клава, надо! Ты отключила телефоны, убрала меня из своей жизни, и вот я узнаю, что у меня сын! Не волнуйся, я ничем не помешаю, просто хочу встретиться с ним, хочу хоть чуть чуть побыть рядом, тем более вы куда-то уезжаете. Если не желаешь, то не говори, кто я, скажи, что я твой одноклассник, – Пётр перевёл дух. – А что ты рассказала ему? Он же спрашивал, кто его отец?

– Разбился на самолёте, – буркнула Клава.

– Лётчик– испытатель? – усмехнулся банальности мужчина.

– Пассажир. Зачем внушать ребёнку чувство ложной гордости. Ты просто пассажир, самолёт загорелся, и все стали прыгать с парашютами, а на тебя парашюта не хватило, пришлось погибать.

Они не торопясь шли по жёлтой аллее по направлению к её дому.

– Жестокая ты Клавдия, всё за всех решаешь, кому быть, кому не быть, кому жить, а кому умирать.

– Да только ты Петя не особенно рвался в нашу с Васькой жизнь. Упирались, как могли, ни от кого помощи не ждали.

– Но я же не знал! – вскричал в отчаянии Пётр.

Так, препираясь, они дошли до дома. В голове Клавдии шевелилось миллион мыслей, и ей никак не удавалось расставить всё по полочкам. Она ругала Женьку, думала о предстоящей поездке, о том, как будет жить с Халилом, переживала за родителей, ещё этот чёртов Петя со своими отцовскими чувствами. Остановились у подъезда, Клавдия в упор посмотрела на него и твёрдо сказала:

– Хорошо, пойдём, чаем тебя напою, только ерунду выкинь из головы, и запомни: ты мой одноклассник.

Так за несколько дней до отъезда Пётр, под видом школьного товарища, просочился в их дом, быстро подружился с Василием, возил его в городской бассейн, сидел за компьютером, решал с ним уроки. Об этом Клава узнавала из восторженных рассказов сына, потому, что Пётр делал так, чтобы не попадаться ей на глаза – подозревал, что может нарваться скандал. Но у неё не было времени особенно реагировать на эту информацию, она заканчивала дела на работе, решала вопросы с турфирмой, паковала чемоданы. Только в глубине души изредка царапало чувство ревности. Клавдия вспоминала, как тяжело приходилось, когда болел маленький Вася, как горело его маленькое тельце, и она плакала от бессилия и усталости. Она так нуждалась в ком-то, мать и отец не в счёт, они всегда находились рядом, если могли вырваться с работы, а ей хотела чувствовать присутствие силы и надежды.

Вечером, за день до вылета Пётр ждал её на лавочке во дворе. Клава шла с магазина, нагруженная продуктами к ужину. Увидев его, сдержала неудовольствие, присела рядом и вежливо спросила:

– Меня ждёшь?

– Тебя, – он переминался с ноги на ногу, подбирая слова. – Клавдия, я спросить хочу, а как ты Василия берёшь с собой, ведь не каникулы и, вероятно, разрешение тебе надо от меня?

Приветливость мигом слетела. Клавдия ошетибилась и зло зашипела:

– А ты кто такой, чтобы я разрешения у тебя просила! Я, мать одиночка, а то, что отчество Петрович, так это к тебе отношения имеет косвенное, законом не подтверждённое, и уроки неделю пропустит, не беда, наверстаем, я с директором договорилась. А если трудности нам решил создать, так я быстро прикрою все встречи. Так что скажи спасибо, что ещё двери не закрыла перед тобой! Одноклассник!

Клавдия резко поднялась и направилась к подъезду. Он поторопился за ней:

– Да подожди ты Клава, может тебе лучше без него за границей будет?

– Не лучше! Вася мечтает о поездке, с лапами и в маске в ванной сидит вечерами, тренируется. Да и привыкать надо постепенно. Жить мы там будем, я замуж выхожу за египтянина. У тебя наверное жена, дети! Живи, как жил и не мешай нам! Наши дороги ведут в разные стороны! Ты ничего не сделал для моего сына, а сейчас, хотя бы не мешай!

Он поник, хотя заранее понимал, что не сможет ничего изменить, но должен был попытаться. Пётр знал, что у него ещё есть немного времени, ещё верил, что найдёт возможность, что-то исправить, до того, как они уедут навсегда.

– Нет у меня никого, мать только на Сахалине живёт, развёлся три года назад, – Петру вдруг стало невыносимо горько и одиноко, но он только спросил, ни на что не надеясь. – Но я могу вас хотя бы в аэропорт отвезти?

– Можешь! – смилостивилась Клава. – Самолёт завтра вечером, после обеда мы будем ждать тебя.

* * *

Халил сидел за столом, наклонив голову, и молча рассматривал узор ковра на полу. Весь его вид показывал согласие и покорность, хотя в груди всё клокотало от негодования и протеста. Утром он решил рассказать родителям о предстоящей встрече с будущей женой и её сыном, о планах на грядущее и о том, что благодаря финансовым вложениям его супруги, он надеется открыть небольшую клинику. Информации было так много для стариков, что они сначала не понимали чему больше радоваться – предстоящее женитьбе последнего сына или открытию его личного, медицинского дела, но когда начали вникать в детали, то их досаде не было предела. Да и собственно, по большому, счёту радоваться нечему. Их единственный сын

хотел совершить ошибку— жениться на женщине не их веры, имеющей ребёнка и вдобавок не очень молодой, что ставило под сомнение рождение внуков. После долгих разговоров и причитаний родители поставили условия: ни о каком знакомстве и заключении официального брака речи быть не может пока эта женщина не примет ислам. Родного ребёнка женщина должна оставить в своей стране, а они молитвами упроят Аллаха, чтобы он дал внуков. А если ревностно начнут воссылать молитву, то Аллах подарит мальчика. Халил понимал, что непокорность родителям есть тяжкий грех, молчал и тяжело соображал, какие слова надо найти, какие резоны, чтобы убедить такую женщину, как Клавдия одеть мусульманское платье, и покрыть голову платком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.